

В этот момент Чжуан Янь походил на шипящую змею, полную притворства и фальши.

Чжун Цин похолодел от ужаса и был готов выложить всю правду. Но, вспомнив, с каким трудом он копил своё состояние все эти годы, он упрямо ответил:

— Что? Завидуешь?

— Да, — тихо прошептал Чжуан Янь.

Он одной рукой удерживал оба запястья Чжун Цина, а другой свободной рукой приподнял его подбородок, и его горячее дыхание коснулось щеки.

— Я от ревности с ума схожу.

Чжун Цин был полностью обездвижен. Его отчаянные попытки вырваться были тщетны. Мысленно проклиная силу этого человека, он не сдавался и на словах:

— Тогда умоляй меня. Может, если у меня будет хорошее настроение, я и тебя возьму с собой поиграть.

Чжуан Янь холодно усмехнулся.

— Я и не думал, что ты такой... дешёвка.

Он отпустил подбородок Чжун Цина и, схватив его за запястья, потащил прочь.

Чжун Цин понял, что дело плохо, и мёртвой хваткой вцепился в ручку двери ванной.

— Я не пойду, — твёрдо сказал он. — Я ещё не закончил.

Чжуан Янь резко обернулся.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга, и Чжун Цин первым отвёл взгляд.

За эти несколько секунд он почему-то вспомнил маленького Чжуан Яня, каким он его увидел, когда только попал в этот мир.

Он всегда знал, что у Чжуан Яня дикая, необузданная красота, и в детстве это было особенно заметно. Тогда Чжуан Янь только приехал в семью Чжуан: смуглый, с растрёпанными волосами, в одежде не по размеру, он даже не говорил на стандартном языке. Он всегда ходил с опущенной головой, но каждый раз, когда его обижали братья, он поднимал глаза и смотрел на них в упор.

Чжун Цин тоже любил смотреть на людей сверху вниз, но в его исполнении это выглядело как нежность, и все старшие родственники были от него без ума. Даже его недалёкий Дядя Чжун, встретившись с таким взглядом, начинал говорить с ним тише.

А взгляд Чжуан Яня напоминал взгляд хищника.

Чжун Цин давно не видел его таким.

У Чжуан Яня была очень сильная гордость. Когда над ним смеялись из-за его деревенского акцента, он целый месяц ни с кем не разговаривал и лишь изредка, когда Чжун Цин его доводил, выдавливал из себя несколько слов. Весь тот месяц он провёл рядом с Чжун Цином, не занимаясь ни с какими учителями, но когда он снова заговорил, то уже говорил на идеальном, стандартном языке.

Через полгода он уже овладел всеми правилами этикета и догнал своих сверстников по всем предметам. И снова без всяких учителей, просто наблюдая за Чжун Цином и подражая ему.

Чжун Цин помнил взгляд маленького Чжуан Яня: тяжёлый и сосредоточенный, он словно ощущался на коже. Тогда из-за боли он почти не учил маленького Чжуан Яня, и никто не требовал от него учиться, но он всё равно научился, и научился лучше всех.

Чжун Цин тогда удивлялся, откуда у ребёнка такой звериный взгляд. Лишь недавно, на пикнике, узнав немного о прошлом Чжуан Яня, он понял, что, возможно, таким и должен быть взгляд человека, вышедшего из диких гор.

Позже Чжуан Янь стал носить одежду по размеру, его кожа снова стала белой и ухоженной, он стал вежливым и сдержанным, а после того, как возглавил семью, приобрёл власть. Дикий, одинокий волк, над которым все смеялись, бесследно исчез.

Но сейчас Чжун Цин снова увидел эту дикую душу, скрытую под костюмом, рубашкой и очками в серебряной оправе.

Чжуан Янь улыбался.

— Разве ты не хотел взять меня с собой поиграть? Передумал, да?

Он накрыл своей рукой пальцы Чжун Цина, сжимавшие ручку, и, медленно, но непреклонно,

стал разгибать их один за другим.

Несмотря на явное силовое превосходство, он, словно не замечая этого, прошептал Чжун Цину на ухо:

— Тогда считай, что я умоляю тебя, хорошо?

Чжун Цину показалось, что у него в ушах взорвался гром.

— Чжуан Янь! — с болью в голосе воскликнул он. — Как ты можешь делать такие ужасные вещи! Я — бездельник, мне падать не привыкать, но ты — Чжуан Янь, самый успешный человек нашего поколения, от тебя зависят судьбы стольких людей, ты — лицо города А! Гордость страны! Как ты можешь падать вместе со мной?

Чжуан Янь тихо рассмеялся ему в ухо.

— Ты так часто бываешь на конюшне, что научился только подлизываться? Жаль... но уже поздно.

Он, как и прежде, одной рукой схватил оба запястья Чжун Цина и заломил их за спину, а другой рукой снял свой галстук и, небрежно обмотав его вокруг запястий, затянул в мёртвый узел.

Затем, не дав Чжун Цину опомниться, он перекинул его через плечо.

Когда живот Чжун Цина ударился о его плечо, Чжуан Янь придержал его. Удар был несильным, но у Чжун Цина всё равно закружилась голова, и боль, пронизывавшая всё его тело, казалось, вот-вот доберётся до костей.

Зрение постепенно прояснилось, и Чжун Цин увидел длинные ноги и пятки Чжуан Яня, которые стремительно удалялись, в то время как пол быстро приближался.

Он попытался вырваться, но обнаружил, что руки связаны за спиной.

— Чжуан Янь, что ты делаешь? — растерянно спросил он.

— Ты не захотел взять меня с собой поиграть, пришлось мне самому к тебе прийти.

— Зачем пришёл? Я не могу с тобой играть, найди себе девушку! Хоть ты и не такой красивый, как я, но, думаю, многим девушкам ты понрав...

Чжун Цин внезапно замолчал.

Он услышал, как открылась дверь, и почувствовал, как подул ветер, от которого его ноги замёрзли.

Нет, нельзя, чтобы Чжуан Янь вышел!

Он же без штанов!

На нём сейчас только полотенце, даже не завязанное. Если он выйдет в таком виде, все подумают, что его застали с поличным, да ещё и лучший друг!

Что станет с его репутацией!

— Чжуан Янь! Не выходи! Я во всём признаюсь! — закричал Чжун Цин.

Чжуан Янь остановился.

— В чём?

— Они не мои девушки, и мы не делали ничего неприличного. Мы просто играли в игры, впятером! Понимаешь, впятером!

— Если уж врёшь, то ври правдоподобнее, — Чжуан Янь шлёпнул Чжун Цина по заднице. — Шесть человек, а играли впятером?

Чжун Цин опешил.

Он, конечно, дрался во многих мирах, но чтобы его шлёпали по заднице — такое было впервые.

— Чжуан Янь! Ты с ума сошёл?! — взревел Чжун Цин. — Шестой человек был на замене, потому что у Цин-цин тендинит, и она не может долго играть!

— Правда? Что-то я сомневаюсь, Чжун Цин, что ты вообще знаешь, где находятся сухожилия.

— ...

— Значит, всё-таки врёшь.

Чжуан Янь безжалостно шлёпнул его ещё раз, по тому же месту.

— Я же тебе на руке показал! Ты что, слепой?! — в отчаянии закричал Чжун Цин.

Чжуан Янь повернул голову и посмотрел на связанные галстуком руки. Указательные пальцы левой руки действительно сжимали большой палец правой.

— Прости, я не заметил, — сказал он и погладил задницу Чжун Цина. — Больно?

Чжун Цин был готов его укусить.

— Ты псих! Убери руки! Отпусти меня!

Чжуан Янь, не обращая внимания, прижал его дрыгающиеся ноги и пошёл дальше.

— Чжуан Янь! Отпусти меня! Ты что творишь?!

Его крики привлекли внимание других постояльцев, и несколько человек выглянули из своих номеров. Чжун Цин тут же замолчал и уткнулся лицом в спину Чжуан Яня, чувствуя, что сгорает от стыда.

В лифте он снова начал отчаянно вырываться.

— Отпусти меня! Чжуан Янь, если ты сейчас же не остановишься, то пожалеешь! Я завтра же пожалуюсь бабушке Янь! Она тебя так накажет, что ты всю жизнь помнить будешь!

Лифт спускался.

Чжуан Янь впервые видел Чжун Цина таким живым и слушал его с интересом. А у Чжун Цина от долгого пребывания вниз головой закружилась голова, и боль, словно тысячи иголок, пронзала всё его тело.

Его голос стал слабым.

— Отпусти меня... я тебе говорю, Чжуан Янь, тебе конец. Когда ты обанкротишься, я тебе ни копейки не дам... я продам тебя на конюшню, будешь там за Малышкой Пони навоз убирать...

Двери лифта с тихим звоном открылись.

Отель был пуст, но персонал оставался на своих местах. Яркий свет люстр на потолке

ослеплял, и Чжун Цину казалось, что его вытащили на площадь для публичной казни.

Он перестал вырываться и кричать.

У него не было сил, да и стыд был невыносим.

Выйдя из отеля, Чжун Цин стал ещё тише и висел на плече Чжуан Яня, как мешок.

Чжуан Янь открыл заднюю дверь машины и положил его на сиденье. Как только его задница коснулась сиденья, он тут же отвернулся к спинке, не желая видеть Чжуан Яня.

— Правда больно? — с беспокойством спросил Чжуан Янь, погладив его.

— Убери руки! Не нужна мне твоя фальшивая доброта! — взорвался Чжун Цин. — Развяжи меня!

— Нет, — усмехнулся Чжуан Янь. — Развяжу — ты снова убежишь. Дома развяжу, хорошо?

Чжун Цин не ответил.

Чжуан Янь и не ждал ответа.

Он закрыл заднюю дверь, сел за руль, и двигатель взревел, как дикий зверь. Машина тронулась почти незаметно. Руль в его руках был твёрдым, но на кончиках пальцев всё ещё оставалось ощущение мягкости.

Когда он был расслаблен, его ягодицы были полными и упругими, помещались в одной ладони, а когда напрягались — становились твёрдыми и эластичными. Такое тело можно было вырастить только в роскоши и неге.

Гнев, который он испытывал, когда ехал в отель, почти прошёл.

Он думал, что наконец-то нашёл способ контролировать Чжун Цина.

Этот способ не причинял ему страданий, не причинял Чжун Цину вреда, но заставлял его считаться с ним. Если бы он знал раньше, что Чжун Цин так чувствителен к шлепкам по заднице, он бы отшлёпал его в тот самый день, когда тот впервые заговорил о настоящей любви, чтобы он больше не смел так легкомысленно бросаться этими словами.

Машина остановилась.

Чжуан Янь вышел и открыл заднюю дверь. Чжун Цин всё так же лежал, отвернувшись. Чжуан Янь слегка нахмурился и, положив руку ему на плечо, силой перевернул его.

Он увидел, что лицо Чжун Цина было мокрым от слёз, а глаза опухли.

Чжуан Янь опешил и коснулся костяшками пальцев его покрасневшего уголка глаза.

— Почему ты плачешь?

— Ублюдок... отпусти меня.

Человек перед ним в панике принялся развязывать галстук. Мёртвый узел не поддавался, и он, недолго думая, перегрыз его зубами.

Как только руки Чжун Цина освободились, он тут же вlepил Чжуан Яню пощёчину.

Удар был несильным. Его запястья онемели от долгого связывания, и он не мог вложить в него силу. Чжуан Янь даже не повернул головы.

Он не рассердился. Он даже не увернулся.

Он смотрел в глаза Чжун Цина. Зрачки, промытые слезами, стали ещё ярче, и лунный свет мерцал в них, как серебряные крупинки. Щёки покраснели от слёз, и мокрые дорожки на них напоминали лепестки, промокшие под дождём.

Оказывается, когда цветок так прекрасен, его и впрямь хочется съесть.

Чжуан Янь слегка приоткрыл рот.

Он, не мигая, смотрел на Чжун Цина и наклонился ещё ближе.

— Всё ещё злишься на меня? Ударь ещё раз.

Слёзы продолжали катиться по щекам, и Чжун Цин, не успевая их вытирать, вlepил Чжуан Яню вторую пощёчину.

На этот раз Чжуан Янь отреагировал.

Его ресницы дрогнули, и он опустил взгляд на искусанные губы Чжун Цина.

<http://bllate.org/book/16114/1589164>